

УДК 373.016: 811.161.1

В. И. Ковалёв

ДИДАКТИЧЕСКИЕ И ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОГО РЕЧЕВЕДЕНИЯ

Нынешний уровень коммуникативной культуры молодёжи вызывает справедливую тревогу. И вряд ли его падение объяснимо только злокозненным влиянием СМИ. Очевидно, реакция учителей и методистов на вызовы времени не вполне адекватна. Новые условия требуют новых дидактических подходов, новых методических средств.

На наш взгляд, прежде всего сегодняшним учебникам и урокам родного языка не хватает выразительной оценочной терминологии. Современная лингвистическая терминосистема сложилась в основном ещё в первой половине XX века. Её объяснительный и экспрессивно-оценочный потенциал в наши дни недостаточен. Традиционные обозначения плохо способствуют выявлению сущности нового речевого феномена и формированию у школьников адекватного отношения к нему.

Вот почему нам представляется важной и необходимой разработка дополнительной лингвометодической терминосистемы для оценки актуальных речевых явлений с позиций коммуникативной культуры. Перспективным направлением этого процесса может стать обращение к медицинским метафорам.

Ещё с лёгкой руки К.И. Чуковского медицинские метафоры стали активно применяться для оценки различных речевых явлений, обычно — негативной.

Мнимые болезни и подлинные; процветание и здоровье языка; русская речь действительно нуждается в лечении; важнейший недуг современного русского языка; имя недуга — канцелярит (по образцу колита, дифтерита, менингита); спастись от этой словесной гангрены; канцелярская речь по своей ядовитой природе склонна отравлять и губить самые живые слова; омертвелый эпитет, избегайте трафаретов, как заразы... [1].

Однако ни сам литературный отец «Мойдодыра» и «Айболита», ни его последователи не сделали теоретического осмысления и обоснования своей термино-метафорической практики. Возможно, потому, что большинство из них — писатели и журналисты. Им кажется вполне естественным, когда и в анализе речевой деятельности, подобно многим социальным сферам, применяются понятия **хорошо — плохо, полезно — вредно**. И медицинские метафоры они обычно использовали в качестве экспрессивных усилителей аргументации.

А лингвисты и методисты во второй половине XX — начале XXI веков, напротив, старательно избегали оценочных суждений о состоянии современного им русского языка. Так, ещё в 1977 году Р.А. Будагов с горечью отмечал: «Лингвисты нашего времени — и советские, и зарубежные — обычно даже не ставят вопроса о том, что такое прогресс (совершенствование) языка. Между тем, по моему глубокому убеждению, эта проблема является центральной и для теоретического, и для исторического языкознания...» [2, с.7].

Ничего принципиально не изменилось и в последующие годы. И это нельзя объяснить долговременной стабильностью системы языка и его подсистем. Наоборот, в странах, составлявших СССР, на последние полтора десятилетия XX — начало XXI веков пришлись стремительные и коренные преобразования экономической и социальной сфер. И всё это существенно отразилось на лексике и стилистике русского языка, причём изменения осознаются как значительные даже рядовыми его носителями.

В таких условиях, на наш взгляд, лингвисты и методисты должны чётко и оперативно регистрировать языковые факты, определяющие новые направления развития языка; давать прогностические оценки этим направлениям и выработать рекомендации по нормам и культуре речи, актуальные для всех социальных групп.

К сожалению, современные филологи фактически самоустранились от исполнения профессиональной обязанности — быть законодателями и экспертами речевых вкусов. Показательно название одного из разделов коллективной монографии, которая была подготовлена специалистами из Института русского языка им. В.В. Виноградова и посвящена активным процессам в русском языке на рубеже 80 — 90 годов XX столетия: «Мы не нормализаторы» [3]. Такая же целеустановка преобладала в следующей работе этого авторитетнейшего научного коллектива русистов [4].

А ведь не только для школы, но и средств массовой информации, и представителей многих профессий, которые связаны с публичной коммуникацией, актуальны речевые ориентиры в системе координат «Что такое хорошо и что такое плохо» (**уместно — неуместно, красиво — некрасиво, эстетично — вульгарно, культурно — грубо, оригинально — пошло** и т.д.).

По нашему мнению, помочь в решении этой насущной проблемы могут медицинские метафоры, которые обладают не только экспрессивным, но также большим когнитивным и объяснительным потенциалом.

Использование метафор в познавательном процессе уже анализировалось в работах Н.Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Д. Лакоффа (Lakoff J.), М. Джонсона (Johnson M.), П. Рикёра (Ricoeur P.) и др. Однако интересующий нас аспект (**медицинская метафора как средство наглядного раскрытия сущности речевых явлений, а также их оценки**) даже не упоминался. Это представляется тем более нелогичным, если принять во внимание, что в рассматриваемый период

такие метафоры не только сверхчасто использовались в публицистике при анализе реалий политической и экономической жизни, но также активно изучались лингвистами [5].

Нам уже приходилось рассматривать заявленную проблематику на материале русской речи в средствах массовой информации России [6]. Высокая степень общности информационного и коммуникативного пространства, а также всеуровневая интенсивность экономических и культурно-языковых контактов между Украиной и Россией делают логичным и необходимым продолжение исследования в рамках коммуникативного пространства Украины.

Всё вышеизложенное предопределяет **актуальность** нашей темы и основные **цели** данной работы:

1. На протяжении 2009 — первой половины 2010 годов собрать в доступных нам сферах публичной коммуникации на территории Украины максимальное количество речевых примеров, которые можно квалифицировать как отклонения от языковых норм с точки зрения традиционной стилистики.

2. Выделить в собранном материале те словоупотребления, которые интуитивно воспринимаются как неуместные в данной ситуации общения, портящие русский или украинский язык, а затем проанализировать их с точки зрения коммуникативной целесообразности и возможности синонимичной замены стилистически более адекватным словом.

3. Классифицировать полученные примеры с применением медицинских метафор.

4. Сопоставить результаты анализа с данными предыдущего этапа исследования, выполненного на материале российских СМИ.

5. Наметить практические рекомендации по повышению коммуникативной культуры современных носителей русского и украинского языков в Украине.

Сегодня в различных сферах и каналах публичной коммуникации у нас активно используются как украинский, так и русский языки, так что вполне можно констатировать наличие на территории Украины единого русско-украинского коммуникативного пространства (дискурса). Поэтому сбор и отбор речевого материала, а также его анализ и классифицирование мы проводили параллельно, с учётом взаимодействия и взаимовлияния этих двух языков.

Такая организация исследовательской работы, на наш взгляд, обеспечивает более объективные теоретические результаты и позволяет выработать практические рекомендации, которые будут полезны для повышения коммуникативной культуры носителей как русского, так и украинского языков.

Работа над собранным речевым материалом проходила в три этапа.

На **первом** (его точнее было бы назвать предварительным) сам процесс поиска и первичного осмысления экспериментального материала помог уточнить и окончательно сформулировать следующие теоретические основы исследования.

Подобно биологическим организмам, язык представляет собой развивающуюся по своим внутренним законам систему, которая открыта ещё и для внешнего влияния. А оно может быть как положительным, здоровым, так и отрицательным, болезнетворным.

Отрицательным, на наш взгляд, следует считать такое влияние на языковую систему, которое искажает её естественное развитие, замедляет его, привносит чужеродные бесполезные элементы.

Разграничение здоровых и нездоровых речевых феноменов можно проводить по следующим критериям:

- функциональная необходимость — функциональная бесполезность,
- созидательный — разрушительный характер по отношению к системе языка или её подсистемам,
- эстетичность — антиэстетичность...

Мы понимаем, что данный перечень ещё неполон, но на данном этапе работы его вполне можно считать достаточным для адекватной оценки анализируемых речевых феноменов. Последующие исследования помогут уточнить и дополнить его.

К числу болезней современной русской и украинской речи, которые массово поразили речевое сознание, относятся: **перенасыщенность заимствованиями** (чаще всего — из английского языка), **стилевая интерференция** (неоправданное употребление в высказывании определённого жанра языковых средств разной стилевой принадлежности, смешение стилей), **эстетическая глухота речевого сознания** (снижение эстетического уровня речевого слуха), а также **межъязыковая интерференция** (суржик).

Использование медицинских метафор при описании и анализе современного коммуникативного поведения представляется целесообразным ещё и ввиду стабильного и долговременного снижения уровня массовой речевой культуры. Этот процесс принял такие масштабы и направление, что необходимо говорить не о своеобразии и отклонениях от нормы, а именно о болезнях речи. Кроме того, применение общеизвестных медицинских терминов делает более доходчивой просветительскую работу в средствах массовой информации и учебных заведениях.

На втором этапе были исключены примеры, в которых интересующие нас особенности могли появиться в результате недостатка времени на языковое оформление коммуникативного замысла (ситуации телевизионного интервью и других разновидностей импровизированного диалога, неподготовленного монолога и т.п.) либо как следствие низкого уровня общей коммуникативной культуры (автор речи ввиду своей

национальной или профессиональной принадлежности, возраста или образовательного уровня не может считаться типичным носителем литературного русского либо украинского языков).

Таким образом, экспериментальную базу составили примеры из таких жанров, где появление интересующих нас речевых феноменов не могло быть вызвано случайностью (подготовленные монологи (устные и письменные) журналистов, политиков и других представителей коммуникативных профессий, титры, городские вывески, рекламные тексты и т.п.).

На **третьем этапе** было параллельно проанализировано 486 речевых примеров на русском языке и 503 — на украинском. Авторами речи во всех случаях были жители Украины. Такое количество экспериментального материала вполне сопоставимо с экспериментальной базой предыдущего исследования [6] и достаточно для получения объективных выводов.

В дальнейшем изложении сначала даётся ряд типичных примеров из числа собранных нами (на русском языке — курсивом, на украинском — полужирным курсивом), а затем — их осмысление с позиций развиваемой нами концепции.

1) *Если бы фронтмен рок-группы «Океан Эльзы» Святослав Вакарчук знал, кто придёт на его место в ВР!* 2) *Ещё один подарок "Ворскла" планирует сделать коучу через неделю.* 3) *Ещё не было лучше времён, чем сейчас, для замены старых деревянных окон на новые металлопластиковые: цены ниже и более короткий термин инсталляции.* 4) *Городские вывески: Реставрация подушек и перин; Регенерация картриджей; Кофе-хаус.* 5) *Газетные рубрики: Drive; Промо; Гламур.*

1) **Перемоги Енді Мюррея над топовими гравцями вже давно не є сенсацією.** 2) **Тепер острів Тасіро – туристична атракція.** 3) **Фестиваль етнічної музики.** (Телевізійний титр) 4) **Міські вивіски: Ресторан Ле бориц; Цирюльня «For you»; Міська СІТІ кав'ярня.** 5) **Телевізійні рубрики: ЗЕ БЕСТ; НОН-СТОП; Live наживо.**

Здоровый в речевом отношении носитель языка легко и успешно заменил бы приведённые «неологизмы» на хорошо знакомые, ясные и не менее выразительные слова. Например, *фронтмен* — *солист, лидер, вождь*... А *коуч* может быть не только *тренером, наставником, руководителем*, но и — в зависимости от коммуникативного намерения автора и ожиданий адресата — *атаманом, вождём, учителем, папой*...

Аналогично в украинских примерах: *топові гравці* — *кращі, провідні, зіркові, видатні*; *етнічна музика* — *народна, рідна, самодіяльна, традиційна, фольклорна, прадавня*...

Что хотели сказать авторы рекламного буклета своей *инсталляцией*, непонятно без обращения к специальным справочникам даже мне, профессиональному филологу. А вывеска из следующего примера (№4) потребовала дополнительного комментария на приклеенном рядом объявлении: «Это замена пера и чистка наперника». Всех подобных

трудностей можно было избежать. Надо только не гнаться за престижным, на первый взгляд, иноязычным словом. Например: «Вторая жизнь подушек и перин».

Аналогично и в украинскоязычной коммуникации: услышав «туристична атракція», телезритель переключается с восприятия сообщения на разгадывание семантики диковинного словосочетания, упуская последующую информацию.

Кроме того, уже сам факт, что заимствования-неологизмы массово применяются в таких коммуникативно устойчивых, рассчитанных на долговременное использование в неизменном виде текстах, как рубрики СМИ и городские вывески, — свидетельствует о широкой распространённости анализируемого речевого феномена.

Регулярное привлечение новых, зачастую плохо освоенных языком заимствований с затемнённым морфемным составом для выполнения той коммуникативной работы, с которой успешно справляются многие исконно русские и украинские слова, постепенно делает русскую речь всё менее русской, украинскую — всё менее украинской. Кроме того, такой образ коммуникативных действий, при условии его частотности, можно диагностировать как болезнь речи. На высокую степень опасности этого заболевания указывает его широкое распространение в публичном общении представителей коммуникативных профессий различных возрастов.

Таким образом, употребление словесного «секонд-хенда» уже не является отличительной чертой молодёжи, которая только ищет коммуникативные ориентиры и идеалы, а потому регулярно и охотно экспериментирует с разносортными языковыми средствами. Напротив, перенасыщенность заимствованиями коммуникативного пространства Украины оказывает серьёзное влияние на формирование упомянутых идеалов и ориентиров.

1) Мы все видели, как она (Светлана Лобода — В.К.) работает. Энергетика так и прёт. 2) Мы уехали на месяц. Такая любовь была, что буквально сносило бошку. 3) Записывайте на свой телефон непревзойдённые шутки, розыгрыши и приколы. 4) Опять коалиция взяла на понт «регионалов». 5) Завязывай! Скажи наркотикам НЕТ! (Социальная реклама на ученической тетради)

*1) На фест приїхали гуцули, бойки, лемки. 2) Зараз ім'я Андрія Кузьменка асоціюється з відомим музикантом, успішним шоуменом і дуже прикольною людиною. 3) Співачка Світлана Лобода випустила нову лінію одягу під назвою F*ck the crisis. 4) Головне — все на халяву. 5) Ультонний розпродаж на всю техніку.*

Мы согласны с выводом, который сделал применительно к современной русской речи в России В. Г. Костомаров: «Причудливые смешения разнородных стилистических средств — естественный признак людей, не владеющих стилевыми навыками. Это и извечный приём создания в тексте комического эффекта, вообще языковой игры. Отражая случаи, когда комический эффект возникает непредумышленно, в силу небрежности

или малограмотности, такие смешения служат привычным приёмом речевой характеристики персонажей в беллетристике. Но они, к сожалению, стали в наши дни неиссякаемым источником наипростейшего, бесхитростного и незатейливого удовлетворения конструктивной жажды экспрессии в текстах масс-медиа, из которых распространяются на всё наше языковое существование — «незаконно», заразительно, развращающе и угрожающе» [7, с.234].

Собранные нами материалы показывают, что приведённая оценка справедлива и для современной русской и украинской речи в Украине. Будучи объективно одним из многих экспрессивно-риторических приёмов, **стилевая интерференция** — ввиду неумеренной частоты употребления — субъективно воспринимается большинством нынешних носителей как русского, так и украинского языков в качестве обязательного украшения почти любого общения.

Гипертрофированная представленность сниженной лексики во всех жанрах общения может быть диагностирована как болезнь современной речи. На уровне индивидуального речевого сознания заболевание обычно протекает следующим образом.

Первая стадия: носитель с удовольствием употребляет сниженную лексику в различных ситуациях и жанрах устного общения, при этом способность к выбору между просторечным и нейтральным словом, дисфемизмом и эвфемизмом — сохраняется.

Вторая стадия: сниженная лексика проникает в письменную коммуникацию, при речепорождении память в первую очередь предлагает разговорные и просторечные слова-кандидаты, а межстилевые и высокие синонимы припоминаются во вторую очередь либо не вспоминаются вовсе.

О третьей стадии мы, к радости, можем судить пока только прогностически. Однако никакой радости этот прогноз не принесёт: при отсутствии лечения постепенно нарастают примитивизация речевого сознания, неспособность понять и передать большую часть коннотаций, стилистическая слепота, глухота и немота.

Попутной болезнью по отношению к вышеописанной **является эстетическая глухота речевого сознания**, или **снижение эстетического уровня речевого слуха**. Сфера её распространения — преимущественно устное общение. Однако в последнее время она проявляется и в подготовленных письменных текстах. Такой диагноз может быть поставлен, если говорящий ненамеренно употребляет языковые средства, вызывающие незапланированный грубо-комический эффект.

1) *Валерий Андреевич, разрешите ксерануть один документ.*
2) *У нас в шопе есть всё!* (Рекламный слоган) 3) *Пресервы рыбные. Кусочки в горчичном соусе.* (Этикетка рыбных консервов)

1) *Пельмені «Дригало».* 2) *Сирок СУПЕРСТАР* 3) *«Ху із... Михайло Поплавський?»* (Назва документального фільму)

Кроме того, следствием нарастающей эстетической глухоты массового речевого сознания является и широкое распространение

сквернословия в устном неофициальном и даже официальном общении. В этом процессе в последнее время наметились две новые тревожные тенденции.

Во-первых, сквернословие быстро молодеет: сейчас оно уже входит в активный словарный запас значительной прослойки 7 — 9 летних школьников.

Во-вторых, многие табуированные языковые средства не только часто употребляются в функции универсальных оценочных лексем, междометий, вводных слов, местоимений, но ещё и не воспринимаются носителями как русского, так и украинского языков в качестве неуместных и оскорбительных для адресата и окружающих...

... Если записать в одну строку все случаи употребления **суржика** в публичной коммуникации на территории Украины за период проведения нашего исследования — такая строка, возможно, протянулась бы через всю страну от Карпат до Донбасса.

При это мы не учитываем случаи использования суржика в качестве экспрессивно-риторического приёма, что характерно, например, для сценических образов Верки Сердючки, Кузьмы «Скрябина», «Братьев Гадюкиных» и некоторых других артистов. Речь идёт строго о суржике как ненормированном, избыточном в функционально-семантическом аспекте и антиэстетичном соединении языковых средств русского и украинского языков в речевой деятельности.

Наше время вполне заслуживает названия эпохи триумфального шествия суржика по всем сферам и жанрам общения. Суржик можно услышать в устной речи как рядовых граждан, живущих в самых разных регионах Украины, так и высших государственных деятелей — президента, премьер-министра, председателя и депутатов Верховной Рады. Суржик можно увидеть в телевизионных титрах и газетных статьях, на этикетках товаров и рекламных плакатах. Суржик появляется в интервью и бытовых беседах, неподготовленных и подготовленных монологах, авторских текстах и текстах, прошедших редактирование. В ответ на адресованный студентам-филологам вопрос «На каком языке говорят в вашем городе (деревне, семье)?» часто приходится слышать: «На суржике»...

Это заболевание по своим типологическим признакам существенно отличается от вышеописанных.

Во-первых, оно имеет гораздо более продолжительную историю: суржик как речевое извращение отражён в одном из первых произведений украинской классической литературы — «Наталке Полтавке» И.П. Котляревского.

Во-вторых, для существования этого речевого феномена в коммуникативном пространстве Украины есть достаточно объективные основания. Дело в том, что явление узуального «смешения» языков наблюдается практически во всех регионах планеты, где на протяжении относительно длительного периода в основных социальных сферах имеет место повседневная коммуникация на двух и более языках. В нашем случае

ситуация осложняется тем, что контактирующие языки — близкородственные. Это существенно затрудняет дифференциацию языковых средств при речепорождении.

Несмотря на то что суржик известен достаточно давно, именно на последние два десятилетия приходится активное проникновение этой речевой болезни во многие каналы публичной и массовой коммуникации. Причём если во второй половине XX столетия суржик проявлялся преимущественно в виде неоправданного употребления русизмов в украинской речи, то ныне всё активнее происходит ненормированное проникновение украинизмов в русскоязычную коммуникацию.

Сопоставление результатов исследования, представленного в этой статье, с данными анализа аналогичных речевых феноменов на материале российских СМИ [6] позволяет сделать следующие **выводы**.

1. В коммуникативном пространстве России и Украины на исходе первого десятилетия XXI века обнаружены сходные активные процессы, которые оказывают негативное влияние на массовое речевое сознание и коммуникативную культуру. Применительно к Украине приведённая характеристика в равной степени относится и к русской, и к украинской речи.

2. Использование медицинских метафор («болезни речи» и т.п.) для обозначения вышеупомянутых процессов позволяет более наглядно и полно отразить их сущность, в том числе — в аксиологическом аспекте, а также способствует работе по повышению массовой коммуникативной культуры.

3. К числу наиболее распространённых болезней русской (в коммуникативном пространстве как России, так и Украины) и украинской речи относятся: перенасыщенность заимствованиями, стилевая интерференция, эстетическая глухота речевого сознания. Кроме того, только в коммуникативном пространстве Украины для русской и украинской речи в публичной коммуникации характерно такое массовое заболевание, как русско-украинская межъязыковая интерференция (суржик).

Разумеется, одни лишь метафоры не могут составить упомянутую в начале статьи дополнительную терминосистему. Формируя адекватную оценку негативных речевых явлений, мы должны открывать учащимся и позитивные направления развития. Поэтому ближайшую **перспективу** исследования мы видим прежде всего в поиске таких терминообозначений с положительной коннотацией, которые служили бы для школьников ориентирами в деле повышения коммуникативной культуры. Центральным здесь должно стать, по нашему мнению, понятие **сильная коммуникативная личность**.

Содержание этого понятия нуждается в дальнейшем уточнении. Нам представляется, что в перечень важнейших качеств сильной коммуникативной личности непременно следует включить способности самостоятельно диагностировать «здоровые» и «болезнетворные» языковые средства и речевые привычки, а также ориентироваться в своём коммуникативном поведении на здоровую и красивую речь.

Литература

1. **Чуковский К. И.** Живой как жизнь (Разговор о русском языке) / К. И. Чуковский. — М. : «Молодая гвардия», 1962. — 176 с. 2. **Будагов Р. А.** Что такое развитие и совершенствование языка? / Р. А. Будагов. — М. : Наука, 1977. — 264 с. 3. **Русский язык конца XX столетия (1985 — 1995)** / Отв. редактор Е. А. Земская. — М. : «Языки русской культуры», 1996. — 480 с. 4. **Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация** / Отв. редактор Л. П. Крысин. — М. : Языки славянской культуры, 2003. — 568 с. 5. **Филатенко И. А.** Политическая аритмия, или Метафора болезни в современном газетном тексте / И. А. Филатенко // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. — 2005. — №1. — С. 47 — 50. 6. **Ковалёв В. И.** Болезни современной русской речи: диагностика, лечение, профилактика / В. И. Ковалёв // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. — 2007. — №11 (128). — С.169 — 175. 7. **Костомаров В. Г.** Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. — М. : «Гардарика», 2005. — 287 с.

Ковальов В.І. Дидактичні та лінгвометодичні аспекти сучасних мовленнєвих розвідок.

У статті розглянуто активні мовні процеси, що відбуваються в комунікативному просторі України. Наводиться класифікація негативних тенденцій у мовленні та пропонуються шляхи їх подолання. Вони актуальні для використання в навчально-пізнавальному процесі середніх навчальних закладів.

Ключові слова: комунікативна культура, комунікативний простір, хвороби мовлення, сильна комунікативна особистість.

Ковалёв В.И. Дидактические и лингвометодические аспекты современного речеведения.

В статье проанализированы активные языковые процессы в коммуникативном пространстве Украины. Приводится классификация негативных тенденций в речи и предлагаются пути их преодоления. Они актуальны для использования в учебно-познавательном процессе средних учебных заведений.

Ключевые слова: коммуникативная культура, коммуникативное пространство, болезни речи, сильная коммуникативная личность.

Kovalyov V.I. Didactical and linguomethodical aspects of modern speech study.

Active linguistic processes which are happening in communicative area of Ukraine are analyzed. Classification of negative speech tendencies is adduced and ways of resisting them are proposed. They are actual for using in study process in the secondary school.

Key words: communicative culture, communicative environment, speech diseases, strong communicative personality.